

ТЕПЕРЬ
ТЫ МОЙ МИР

ТАЯ АЛЕКСАНДРОВА

16+

Тая Александрова

Теперь ты мой мир

«Автор»

2026

Александрова Т.

Теперь ты мой мир / Т. Александрова — «Автор», 2026

Когда твоя жизнь напоминает замкнутый круг, по которому ты ходишь из-за дня в день. Жизнь в которой нет ничего кроме боли и одиночества. Но, что, если тот, кто появляется как спаситель, на самом деле твой худший враг?
Обновление новых глав ежедневно с 14.08.2026

© Александрова Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Тая Александрова

Теперь ты мой мир

Глава 1

Серые тучи вновь опустились на такие же серые крыши многоэтажек. С улицы доносится звук проезжающих машин. Капли дождя в размеренном ритме стучат по окнам. Мне нравится этот звук безмятежности, когда можно ни о чём не думать, а только расслабиться и окунуться в беззаботное прошлое, в дни, когда я была счастлива. Немного приоткрываю окно, чтобы насладиться пропитанным запахом мокрого асфальта воздухом, но звон разбившегося стекла насильно затягивает меня в реальность.

— Куда? Куда ты её спрятала? — раздаётся пьяный голос матери. Даже не видя её лица, я знаю, что выражают глаза и что она собирается сказать. Не успеваю досчитать и до пяти, как по небольшой трёхкомнатной квартире в хрущёвке эхом проносится крик.

— Куда ты дела её, дрянь?! — продолжает она кричать, бросая пустые бутылки на кафельный пол.

Я быстро иду на кухню и пытаюсь её успокоить:

— Мам, если ты так продолжишь, опять придут соседи и будут жаловаться на шум, — говорю ей и увожу в комнату, стараясь уложить на немного потёртый небольшой диван.

— Да плевать, я их не боюсь, пусть приходят, — заплетающимся языком говорит она, но всё же ложится, продолжая свою невнятную речь. Но я её уже не слушаю: накрываю синим махровым пледом и иду на кухню.

— Когда это всё закончится, — тихо шепчу, собирая осколки от разбитых в хлам бутылок и окурки от дешёвых сигарет, которыми пропахла вся квартира.

Раньше эта квартира была настоящим домом, уютным и тихим местом, в котором я чувствовала себя в безопасности. Сейчас небольшая кухня с круглым столом, за которым мы когда-то любили собираться всей семьёй, завалена бутылками и остатками недоеденной еды. В раковине скопилась грязная посуда, в воздухе витает сигаретный дым; кажется, что он въедается в кожу. В коридоре разбросаны вещи, и на полу — следы от грязной обуви; видимо, сегодня к маме приходил её «друг». Моя маленькая комната — единственное место в квартире, в котором ничего не изменилось: светлые обои, небольшая кровать аккуратно застелена постельным бельём с замысловатыми синими узорами, стол возле окна и шкаф для одежды. Интерьер простой, но мне всегда нравился минимализм и удобство.

— Привет, меня сегодня не будет. Встала неудачно с кровати и, кажется, подвернула ногу. Жду родителей, поедem в травмпункт, — торопливо говорит подруга.

— Надеюсь, ничего серьёзного? Помощь не нужна? — с естественным переживанием спросила я.

— Конечно, нет. Всё нормально, но мама, как обычно, слишком драматизирует. Передай классной, что сегодня не приду, а то она опять истерику устроит, — просит подруга.

— Мая, ну где ты там? — доносится высокий женский голос на фоне.

— Иду, мам! Всё, дорогая, надеюсь на тебя, — и не успеваю ничего ответить, как слышу гудки.

Мая — моя единственная подруга, мы дружим с ней год, с момента, как я перешла в новую школу. Внешне мы очень отличаемся: она выше среднего роста, кареглазая блондинка с острыми чертами лица: высокие скулы, прямой, немного вздёрнутый нос, пухлые губы и ямочка на подбородке. Мая с детства занимается художественной гимнастикой, поэтому у неё всегда прямая осанка, которая придаёт ей величественный вид. Я же ростом 158 см, с круглым

лицом, шатенка, и хожу немного сутулясь, изза чего подруга вечно меня поддевает: «Если немного выпрямишься, может быть, и до 160 дорастешь».

Поправив юбку, надеваю старенькое серое пальто, достигающее до колен, и с досадой замечаю, что крайняя пуговица оторвана.

— Да что ж такое! — только и могу, что закатить глаза.

Выхожу на улицу и сразу ощущаю, что этой пуговицы сегодня мне будет очень не хватать.

На улице конец марта, но ещё очень холодно. Ветер пронизывает до самых костей, а серые тучи затянули небо — значит, скоро пойдёт дождь. Не успеваю пройти и десяти метров, как с неба закапали предательские капли дождя.

Продрогшая от сильного ветра и вся мокрая от дождя, я подхожу к центральному входу трёхэтажного здания из белого кирпича, но путь мне преграждает чёрный «Мерседес». Из машины быстрым шагом, держа зонт, выходит одетый в чёрный классический костюм шофёр. Но не успевает он открыть дверь на пассажирском сиденье, как из машины выходит король нашей школы — да и не только школы, а всего города — Дамир Аверин. Он лениво стряхивает капли дождя с одежды, недобрым взглядом смотрит на водителя, забирает зонт и тихо что-то ему говорит. Но наблюдать за этой картиной у меня времени уже нет, так что я быстрым шагом направляюсь к парадной входной двери и захожу в здание.

В коридоре стоит небольшой гул, но не такой, как это бывает в обычных школах. Я учусь в частной школе: поступить в такую даже по внутренним экзаменам сложно. Здесь работают лучшие учителя, которые проходили международную подготовку. Все классы светлые и просторные, с интерактивными панелями; есть современные лаборатории, библиотека, медкабинет, большой спортивный стадион, тренажёрный зал, творческие мастерские, бассейн. На первом этаже — фудкорт с горячими напитками и снеками. Есть зона отдыха с мягкими белыми кожаными диванчиками и пуфами. Территория вокруг школы благоустроена: небольшой сад, скамейки, велодорожки. Эта школа оправдывала своё название — «Империя».

Пока иду к своему классу, снова завибрировал телефон.

— У меня небольшое растяжение, несколько дней поваляюсь дома, — расстроенным голосом проговорила Мая, — так что не смогу с тобой пойти на лекцию к Аверину.

— Да ничего. Главное — лечись и приходи быстрее. Без тебя мне будет совсем грустно.

— Слушай, лекция будет сегодня в шесть, тебе придётся долго ждать, да и на улице дождь. Может, не пойдёшь?

— Я ждала эту лекцию почти месяц и просто не могу её пропустить. Ты же знаешь, что для меня Тимур Сергеевич Аверин — кумир. Если бы не он, я не справилась бы. Я обязательно пойду, — уверенно говорю я.

— Ладно. Надеюсь, оно того стоит. Всё, не сучай без меня, скоро увидимся, — сказала Мая и сбросила вызов.

Хочу положить телефон в рюкзак, но рюкзак соскальзывает с плеча и падает на кафельный светлосерый пол.

— Меня явно кто-то проклял, — устало шепчу про себя и тянусь, чтобы поднять рюкзак, но в нескольких сантиметрах от моих пальцев останавливаются чёрные лоферы и нагло наступают на ляжку рюкзака.

Подняв голову, замираю перед пронзительными тёмносерыми, почти как гранит, глазами, которые прожигают насквозь. От этого взгляда по всему телу бегут мурашки, а сердце забывает, как стучать: ведь глаза Дамира Аверина словно выносили мне молчаливый приговор. Его высокая фигура возвышалась надо мной. Волосы средней длины, чёрные; тёмные широкие брови; высокий прямой нос; пухлые губы; чёткие черты лица, выразительные скулы, острый подбородок. Он был очень красивым, однако в его глазах было что-то, что кричало о том, что от него надо держаться как можно дальше.

— Эй, вот ты где? Я тебя везде искал. Пошли, мегера, уже в классе, — говорит высокий светловолосый парень с зелёными глазами — Захар Ильянов, лучший друг Дамира; только ему разрешено находиться рядом с ним.

— Уже иду, — отвечает Дамир и демонстративно переступает через рюкзак.

Мне лишь остаётся недоумённо смотреть им в спину. «Что это было? Что он задумал?»

Пока сидела на уроке, в голове прокручивала эти воспоминания. Может быть, я просто себя накручиваю? Для таких людей, как он, я всего лишь невидимка. Мы учимся в разных классах, но несколько раз пересекались в коридоре: он всегда проходил мимо, не удостоив даже взгляда. Да, наверное, я себя лишний раз накручиваю.

Когда уроки закончились, было уже четыре вечера. Я сразу пошла в аудиторию, где должна была состояться лекция. В конференцзале я была одна, поэтому заняла место в первом ряду, чтобы быть ближе к своему герою — человеку, которого боготворила. Тимур Сергеевич Аверин — старший брат короля нашей школы. Для меня он стал спасением.

Всё началось год назад. Мой старший брат, Даниил, очень хорошо учился, особенно по физике. Он выигрывал все олимпиады и был настоящей гордостью семьи. Я же училась средне и «выезжала» по большей части на усердии и Божьей помощи, поэтому всегда была в тени брата.

На одной из олимпиад Даню заметил главный спонсор школы «Империя» и предложил там обучение. Для нашей семьи это было большим везеньем, так как мама с зарплатой медсестры в обычной государственной больнице не могла «потянуть» такие деньги.

Но спустя три месяца, как брат начал там учиться, произошёл несчастный случай: его сбила машина, когда он переходил дорогу в неположенном месте. В полиции нам сказали, что в крови Дани нашли большой процент алкоголя. Мы с мамой в это не поверили, но следователь показал нам видео из одного бара, где брат выпивал.

После аварии Даня неделю не приходил в себя, а потом впал в кому. Маму это сильно подкосило: она начала выпивать. Сначала я не придавала особого значения тому, что она каждый вечер пила вино, но потом вино медленно сменилось водкой, и остановиться она уже не могла. Я изо всех сил пыталась её вразумить, но она меня не слушала. Изза её состояния её выгнали с работы. Теперь она работает уборщицей в ночном клубе — да и туда её взяли только благодаря нашей соседке, которая работает там администратором.

И вот, когда помощи совсем неоткуда было ждать, появился Тимур Аверин. Он предложил мне обучение в школе и стипендию, а также на период моего обучения оплачивать брату содержание и лечение в частной больнице: это очень дорого, и одна я не потяну.

Конечно, я понимаю, что он это сделал, чтобы скрыть скандал: ведь ученик элитной школы выпивал в баре. Но с его деньгами и положением «замять» это дело не составит труда. При этом Тимур Сергеевич проявил настоящую человечность, так что до конца всей жизни буду ему благодарна. Надеюсь, и я когданибудь смогу помочь и стать опорой хоть комуто.

Из грустных воспоминаний меня выдернул голос охранника.

— А ты что здесь делаешь так поздно? — спросил невысокий мужчина средних лет.

— Сегодня должна быть лекция, — ответила я и только сейчас понимаю, что в светлой аудитории, кроме меня и охранника, никого нет.

— Какая лекция? Её же отменили. Иди домой.

— Что? Отменили? А когда она теперь будет? — растерянно спрашиваю я, поправляя волосы.

— Мне никто не отчитывается, — усмехается он и показывает на выход.

— Да, извините, — собираю вещи и выхожу из помещения.

Как странно... Никто не говорил, что лекцию отменят. Но делать было нечего, поэтому я, расстроенная, пошла домой.

На следующее утро, когда я поднималась на второй этаж в свой класс, меня окликнула завуч — или, как её здесь прозвали ученики, Мегера. Тучная женщина с редкими чёрными волосами, которые она всегда собирает в высокий пучок. Маленькие карие глаза на фоне крупного лица как будто теряются и придают лицу ещё больше злости. Характер у неё тоже злобный — но не ко всем, а только к тем, кто учится по социальной программе.

— Верникова, тебя с сегодняшнего дня переводят в класс «А», — поправляя чёлку, говорит она.

— Меня? Но почему? Я же в классе «Е»! — ничего не понимая, задаю вопрос.

Женщина недовольно смотрит на меня:

— Директор изза ситуации в твоей семье хочет увеличить стипендию и предложить пройти стажировку за границей после обучения. В классе «А» появилось место — оно поможет это сделать. Да и вообще, что ты споришь! Просто делай, что говорят, — раздражённо пробубнила она и ушла, оставив меня в замешательстве.

В нашей школе нет как таковых рангов, но есть своя чёткая иерархия, которой все придерживаются.

Все классы разделены на «А», «В» и «Е». В классе «А» учатся дети, родители которых занимают особое положение в обществе, недостижимое для других: политики, владельцы крупных корпораций, доход которых исчисляется в миллиардах. В классе «В» учатся дети из богатых семей: бизнесмены с миллионным доходом и дети известных людей. В классе «Е» — дети среднего класса (адвокатов, прокуроров), те, кто поступил по внутренним экзаменам, и «социалы» — те, кто поступил по социальной программе и кому платят стипендию. «Социалов» в школе не так много — примерно пятнадцать человек, но все они — победители различных олимпиад.

Както очень странно, что стипендию отдали мне... Ладно, не буду думать об этом, — говорю себе и иду в класс «А».

Подойдя к нужной двери, я глубоко выдыхаю и вхожу в класс. Сразу ощущаю на себе всеобщее внимание. Ненавижу это чувство, когда все смотрят только на тебя, пытаются оценить. В такие моменты мне всегда становится не по себе, и я неосознанно начинаю вонзать ногти в кисти рук.

Среди всех этих взглядов один — с последней парты среднего ряда — прожигает до самого мяса. Дамир Аверин смотрит на меня так же, как вчера: напряжённо. Слегка наклонив голову, он замечает, что я заламываю руки, и еле заметная усмешка касается его губ. Не знаю, о чём он думает, но во взгляде его появляется что-то недоброе.

Глава 2

— Верникова, тебе нужно особое приглашение? Садись на свободное место, — указывает на последнюю парту правого ряда учитель истории.

Сев за своё новое место, я стараюсь сосредоточиться на уроке, но это никак не получается сделать. Ощущение, что кто-то пытается меня во что-то втянуть, чётко засело в моей голове — я нутром это чувствую.

Как только звенит звонок, учитель покидает класс, а ко мне подходит группа людей. Два братаблизнеца среднего роста, голубоглазые блондины, и две девушки. Про таких говорят: «девушки мечты» — высокий рост, стройные фигуры, ухоженные волосы, высокомерный взгляд.

— Эй, ты перевелась из класса «В»? — с неподдельным интересом спросил близнец, окидывая меня внимательным взглядом.

— Нет, из класса «Е», — спокойно отвечаю я, так как ждала этот вопрос.

— Хах, с каких это пор в наш класс переводят социалов? Ты что, в Оксфорд поступаешь? — не унимается он, нагло рассматривая меня.

Мне от его вопроса становится смешно: училась я ниже среднего, потому что это только в фильмах бывает, что бедная девушка днём учится, ночью работает. В реальной жизни всё не так: моих сил хватает только на то, чтобы не бросить школу. А ещё очень помогает Мая — она тоже из класса «Е», но её мама — прокурор, которая ей уже готовит почву, так что Мая учится очень хорошо и меня тянет.

— Нет, я не сильна в учёбе. Я учусь по социальной программе. Мне дали стипендию изза непростой ситуации в семье, — всё так же спокойно говорю я и достаю из рюкзака учебник математики. — Нет смысла врать, всё равно узнают.

— И вот зачем социалов к нам переводят? Как будто у нас здесь пристанище для всех малоимущих, — недовольно закатила глаза длинноволосая брюнетка.

— Почему в «В» её не отправили? — ужаснулась другая девушка. Она выглядела очень миловидной: густые каштановые волосы, аккуратный высокий нос, высокие скулы, медовые глаза. Но её высокомерный и надменный взгляд сразу выдавал в ней стерву.

— Зачем к нам её переводить? Она же не вписывается в наш класс. Капец, она даже форму надела, — показывает на меня пальцем девушка.

— Словно меня здесь и нет, — подхватывает другая — невысокая, с круглым лицом и большим носом, девушка.

Осмотревшись по сторонам, только сейчас понимаю, что ни на ком, кроме меня, нет формы.

— Если хочешь учиться в нашем классе, сиди тихо, как будто тебя и нет, — участливо советует мне близнец. И наконец вся компания уходит, потеряв ко мне всякий интерес. Но это и к лучшему: не люблю находиться в центре внимания. Я планирую быть незаметной, доучиться до конца года и спокойно покинуть это «замечательное» заведение.

Наконец раздаётся громкий звонок, говорящий о том, что учебный день закончился. Не прощаясь ни с кем, собираю вещи и спешу домой. В гардеробной беру своё пальто. «Сегодня первым делом пришью пуговицу», — обещаю себе. И, открывая массивные двери, выхожу на улицу.

Дома меня опять ждало то же самое: шумная компания маминых приятелей, грязная посуда и чувство одиночества. Не успеваю разложить вымытую посуду по полкам, как раздаётся дверной звонок. Только не это — пришла соседка снизу: невысокая женщина лет шестидесяти пяти, с короткими седыми волосами и плотным телосложением.

В её добрых карих глазах блеснул гнев.

— Агния, я, конечно, всё понимаю, но если так продолжится, я вызову полицию.

— Вера Александровна, извините, я поговорю с мамой, мы постараемся больше не шуметь.

— Я терплю только потому, что тебя жалко, но нервы сдают. У меня внук маленький — даже в час тишины поспать не может, — сетует женщина.

— Да, я всё понимаю, извините нас.

— Ладно, — качает она головой и уходит.

На кухне нахожу маму: она тянет ко рту стакан с белой жидкостью.

— Мам, приходила Вера Александровна, просила не шуметь, иначе вызовет полицию.

— Да кто она вообще такая? У меня такое горе, а ей шум мешает, — говорит мама и залпом выпивает всё содержимое стакана.

Поднимается и, шатаясь, падает на диван. Покачав головой, иду на кухню убирать оставшийся бедлам. Иногда мне кажется, что жизнь — это сплошной круг, по которому я хожу изо дня в день и в котором нет спасения. Просто нет ничего.

Утро встречает меня усталостью и разбитостью. Взглянув в окно, вижу унылые серые панельные дома, «голые» деревья, качающиеся, как мотыльки на ветру. Всё это добавляет грусти, но ещё больше меня терзает чувство надвигающейся беды. Это чувство будто обволакивает меня, заставляет переживать и нервничать. Я всем нутром чувствую угрозу.

Открыв шкаф, вспоминаю вчерашние слова девушки о том, что я одна в классе хожу в школьной форме. Им за нарушение правил ничего не будет, а меня могут исключить. Поэтому достаю форму и надеваю её.

С беспокойным сердцем подхожу к центральному входу школы, но с каждым шагом это чувство усиливается — и, как оказалось, не зря. Как только я переступаю порог школы, сразу ощущаю, что что-то изменилось. Не знаю, как правильно описать это чувство, но это тот момент, когда ты перестаёшь быть невидимой и все взгляды прикованы лишь к тебе.

За спиной слышу шёпот и смех, но не обращаю на это внимания и иду в класс. С удивлением не нахожу своего стула, а парта исписана различными оскорблениями: «Уродина», «Пиксель», «Гоблин».

— Эй, «Пиксель», кажется, не оценила наши усилия, — раздаётся голос одного из близнецов. Он хочет ещё что-то сказать, но ему мешает учитель математики.

— Верникова, ты почему стоишь? — спрашивает Алексей Петрович, хмурит свои чёрные брови и подходит к моей парте. — Решила устроить забастовку? Возьми свободный стул и садись, — говорит он и, поджав тонкие губы, идёт к доске.

Во время урока на телефон не переставая приходят сообщения: меня добавляют в разные чаты, в которых состоит вся школа, и я — главная участница. «У неё кривые ноги», «Она выглядит как четвероклассница», «Просто сдохни» — не прекращая сыплются уведомления. Мне несколько раз бросают записки со словами «Гоблин», «Уродина», но учитель оставляет это без внимания и лишь делает мне предупреждение, чтобы я не мешала учиться. Как смешно и до абсурда ужасно — обвинять жертву.

Признаться честно, к насмешкам я привыкла. Если начну им отвечать, они только больше заведутся. Нужно немного потерпеть. Уверена, им скоро это надоест. Поэтому только методично отсчитываю минуты, когда закончится день.

Когда урок заканчивается, спешу выйти из класса, но кто-то подставляет мне подножку — и я падаю на пол, больно содрав себе колени и ладони.

«Главное — терпеть. Мне осталось продержаться только месяц, и всё закончится», — повторяю про себя как мантру. Но от обиды и несправедливости мне хочется плакать.

— Осторожнее надо быть, — раздаётся голос надо мной. Больше не сказав ни слова, Дамир идёт на выход в окружении своей свиты.

-Блин, следующая физра не хочу идти-протянула Настя, завязывая рыжие волосы в высокий хвост-Опять заставит бегать несколько кругов, хорошо потом большая перемена, успеем в душ сходить. -И не говори,достал уже, зачем вообще эта физра нужна? - поправляя белый топик, который подчёркивает стройную фигуру согласилась Камилла-Я и так в зал хожу каждый день, ну ты посмотри на Надю, она места себе не находит от ожидания встречи с любимым-засмеялись они и посмотрели на симпатичную темноволосую, невыскую девушку. Ходили слухи, что они с физруком встречались, но я никогда в такие слухи не верила. Люди зачастую любят преувеличивать. Девушка никак на это не отреагировала, а только бросила на меня грустный взгляд карих глаз и вышла. Наконец я осталась одна, надев свободного края темно-синие спортивные штаны и однотонную черную с круглым вырезом футболку, аккуратно сложила вещи в шкафчик и вышла из раздевалки. На физре нас действительно заставили бегать, но я была рада. Во время бега, я полностью погружаюсь в себя, мне нравится это чувство, в такие моменты ты можешь ни о чем не думать и ничего не слышать, кроме собственного дыхания, наконец- то становишься свободной. -Она похожа на таксу засмеялась у меня за спиной Камилла - У неё не ноги, а отростки какие-то - весело продолжила Настя-Зато смотри как старается бежать, думает стать олимпийской чемпионкой? -Максимум ей светит олимпийский пиксель - включился в разговор Максим Девин один из близнецов. Они говорили обо мне, но никто из класса, даже из школы ни разу не заговорил со мной. Их слова меня задевали за живое и обижали, добавляли неуверенности к самооценке, но я старалась, представить, что они говорят не обо мне, а о ком-то другом, не знакомом. -5 минут отдыхаем - объявил Виктор Серегевич и ушёл из спортивного зала. Всё разбили на группы, я не хотела ни к кому присоединяться, да и знала, что никто меня к себе не примет. Для всех я изгой, которого нужно сторониться. Я села подальше ото всех на холодный пол и поджала ноги под себя. Неожиданно меня оглушил удар по голове, от которого потемнело в глазах. -десятичковый, я же сказал, что попаду - радостно проговорила Денис Мурин.Его тонкие губы расплылись в кривой улыбке, а в болотного цвета глазах отобразилось неподдельное восхищение собой -Да, ты бы ещё ближе подошёл, перебрасывай-недовольно возразил один из близнецов - С такого расстояния любой может попасть - включился в спор второй близнец, показывая в мою сторону, а у меня от удара закружилась голова -Да, вы гоните, удар точный, Дамир рассуди - обратился Денис к Аверину, тот лишь лениво посмотрел в мою сторону, а у меня весь мир остановился перед глазами. - Удар точный-вынес он свой вердикт и потеряв весь интерес к происходящему вернулся к разговору с Захаром. -Ну, я же говорил гоните бабки - хлопнув по плечу близнеца сказал Мурин. Я не могла сказать ни слова, они что спорили на деньги с какого расстояния поподут мне по голове? Да, они сумасшедшие, так же нельзя с живым человеком крутилось у меня в голове. Все смотрели в мою сторону, и ни у кого в глазах я не видела сочувствия или жалости, только злобу и чувство превосходства, только в одних глазах, что на мгновение остановились на мне я увидела своё отражение.

Глава 3

Вода шумела и заглушала все посторонние звуки, заставляя тело расслабиться и привести чувства в порядок. Я выключила душ и уже обмоталась белым махровым полотенцем, когда услышала шорох, а затем тихий смех, который заставляет насторожиться. Завязав волосы в пучок, осторожно выхожу из душа. В помещении уже никого нет, только открыта дверь моего шкафчика. Внимательно осмотревшись, понимаю, что моих вещей нет, только одиноко лежит телефон. В надежде найти хотя бы спортивную форму просматриваю все открытые шкафчики в раздевалке, но не вижу ничего — всё безрезультатно! Отчаяние уже поглощает меня. Вскрикнув, решительно иду на выход, но не успеваю дотянуться до металлической ручки белой двери: на телефон приходит сообщение с незнакомого номера: «Крайний верхний шкафчик в правом углу, там есть чистая футболка. Код 0504. Прости — это всё, что я могу сделать». Отправитель мне неизвестен, но я хватаюсь за это сообщение, как за последнюю соломинку. Встаю на носочки и дотягиваюсь до нужного шкафчика, нащупываю рукой мягкую ткань. И в самом деле — большая серая футболка с чёрными линиями по плечам. Она достаточно длинная и доходит мне до середины бедра. В первый раз в жизни радуюсь своему невысокому росту. Но что делать? Так идти на урок нельзя. «Думай, думай», — говорю сама себе, пока хожу кругами по светлому кафельному полу. Остался последний урок — история, но я не могу на неё не идти: у меня и так куча пропусков. Дмитрий Николаевич косо смотрит; ещё несколько пропусков — и меня точно выгонят, но и за такой внешний вид по голове не погладят. Доказывать, что мои вещи украли, смысла нет: на мою сторону никто из учителей и администрации школы не встанет. Посмотрев на телефоне время, понимаю, что осталось 5 минут до звонка. Так, самое главное — незаметно дойти до гардеробной и надеть пальто. Хорошо, что оно длинное и доходит до колен. Осторожно открыв дверь, выхожу в коридор. Вокруг двери уже столпилась толпа, человек 10. Они включили камеры на телефонах и приготовились снимать, но, увидев меня, начали переглядываться. — Что за фигня? Почему на ней футболка? — спросил близнец у брата. Тот лишь недоумённо пожал плечами: — Да я без понятия. — Лера, ты что, не все шкафчики проверила? — обратился Максим к девушке с копной непослушных рыжих волос. Она лишь передёрнула плечами: — Вот не надо на меня вину перекладывать! Все открытые шкафчики я проверила и забрала всё, что было. Так что от меня отстаньте! — оборонительно пропищала она высоким голосом. — Да хватит вам препираться друг с другом! Посмотрите на нашего Пикселя, — перевела всё внимание окружающих на меня Камилла. Похлопав в ладоши, она самоуверенно проговорила: — Да, у неё ноги не только короткие, но ещё и кривые, — ехидно сказала она. — Блин, у неё что, растяжки на ногах? Кошмар! Я бы с таким телом боялась на улицу выходить, — усмехнулась Настя. Её слова меня смутили, и я интуитивно начала оттягивать футболку вниз, чтобы прикрыть хоть немного ноги. — Уродская футболка на уродском теле, — начал смеяться Максим, а за ним и все остальные. В этот момент слёзы уже подступили к глазам. Мне казалось, что я задыхаюсь и мне нечем дышать. Эта жестокость сводила с ума. Я не понимала, за что они так со мной, что я им всем сделала. Я подняла голову выше, чтобы не дать слезам выдать мою слабость перед ними. И в этот момент наши взгляды встретились с тем, кто заставил сердце замереть. Дамир стоял на втором этаже, возле лестницы, и, как король с пьедестала, наблюдал за этим кошмаром. Он смотрел внимательно, словно хотел запомнить каждую деталь. Его глаза бегло прошлись по мне, немного задержались на моих голых ногах. Его губы тронула усмешка, а в глазах появился блеск. От этого я резко прихожу в себя, словно с меня сняли заклинание. Не обращая больше ни на кого внимания, быстрым шагом иду на выход, но врезаюсь в чьюто фигуру. — Воу, никогда не думал, что в школе такое увижу, — улыбаясь, говорит высокий парень. Его зелёные, цвета весенней листвы, глаза удивлённо и нагло меня рассматривают. Я отхожу от него на безопасное расстояние и окончательно

осознаю, насколько он высокий — выше меня, наверное, на голову. Густые каштановые волосы ниспадают на его лицо, широкая линия подбородка, с небольшой горбинкой нос. Я вижу впервые этого парня. — Извини, я спешу и не заметила тебя, — приношу извинения и хочу его обойти, но парень меня не пропускает, а хватает за правую руку, притягивая ближе к себе, так что я голой кожей чувствую ткань его одежды. Наклонившись ко мне, он тихо спрашивает: — Помощь нужна или вводишь новую школьную форму? Если второй вариант — верный, я очень даже не против, — говорит незнакомец и растягивает губы в улыбке. — Увы, но первый вариант верный. Но если хочешь получить новую форму, обратись к ребятам из класса 11А, они тебе с этим помогут, — дрожащим голосом отвечаю ему и освобождаю свою руку. Делаю шаг назад и открываю в телефоне приложение, чтобы заказать такси. — 11А? Так мы одноклассники? — удивлённо говорит он, склоняя немного голову вбок, оценивая меня. — Я думал, ты младше. — Ну что ж, все так думают, — поджимая плечами, говорю, пытаюсь найти точку на карте для подачи машины. — Меня, конечно, всё устраивает, — ещё раз проходясь по мне взглядом, говорит парень. — Но Мегеру сейчас инфаркт хватит, поэтому накинь. — Снимает с себя серый пиджак и накидывает мне на плечи. От этого движения я дёргаюсь: не люблю, когда незнакомцы ко мне прикасаются. — Вот это у тебя реакция, я аж испугался, — смеётся он и поправляет на моих плечах пиджак. — Спасибо, я верну, — благодарю я и запахиваю пиджак сильнее. Ветер начал дуть сильнее, и по телу уже побежали мурашки. — Да забей, — снисходительно говорит он. Но я не обращаю на это внимание. Моя главная задача — разобраться, как правильно вызвать такси. Здесь закрытая территория, проезд только по пропускам, а моя проблема с детства — это географический кретинизм: я всегда теряюсь и вообще не ориентируюсь на местности. Но сейчас мне повезло, и точку посадки определить удалось. Но не успеваю нажать на кнопку «Заказать», как мой телефон берёт незнакомец и улыбочиво проговаривает: — Я думал, ты не ищешь острых впечатлений. Если точку посадки укажешь здесь, тебе придётся идти на вторую проходную через лес. Вот сюда закажи. Я скажу охране, чтобы пропустили машину. — Както похозяйски меняет точку посадки и нажимает «Заказать». — Спасибо. Мог бы отдать мне телефон, — прошу я. Его самоуверенный вид ясно даёт понять, что он не из социалов, а из богатеньких мажоров, а с ними у меня отношения не сложились. Их я опасуюсь: все они считают себя выше других, поэтому не хочу ещё больших проблем. — Конечно, держи. Раз мы одноклассники, как тебя зовут? — спрашивает он, протягивая телефон. На его запястье едва заметное тату в форме знака прерывающейся бесконечности. — Агния Верникова, — отвечаю я, высматривая такси. — Агния, — повторяет он, словно пробуя моё имя на вкус. — У тебя редкое имя. Почему так называли? — Не знаю. Наверное, родителям нравилось это имя, — пожимаю плечами. Я несколько раз спрашивала маму про имя, но она всегда говорила, что особой причины не было: ей просто нравилось это имя. Брата она назвала Даниилом в честь дедушки, а меня просто так. — Меня, кстати, Влад зовут. Миронов Влад. Я уезжал на два года учиться в Швецию, сейчас вернулся обратно. — Почему решил вернуться? — Соскучился по родной стране, школе и одноклассникам. Говорят, в школе в последнее время весело, — ответил он, улыбаясь. «Да уж, веселья хоть отбавляй», — промелькнуло в моей голове, но свои мысли я держу при себе. В этой школе никому, кроме Майи, нельзя доверять. Наконец, шурша шинами, подъехала чёрная «Лада». Садясь в машину, я хотела снять пиджак, но Влад меня остановил: — Потом отдашь. Накинь пиджак на ноги, а то у деда от твоего откровенного наряда давление может подскочить, — подмигнул он водителю, мужчине лет 65. Он выглядел очень добрым: седые волосы с проседью рыжих волос, глубокие морщины на лбу, нос картошкой, голубые глаза. Серый вязаный свитер обтягивал его большой живот. Тот лишь смущённо отвёл взгляд. Не говоря больше ни слова, я закрыла дверь, и машина тронулась. Стоило выехать за территорию школы, моя броня спала, и слёзы покатились из глаз. Водитель в зеркале увидел моё состояние и тихо пробормотал: — Поплачь, дочка, поплачь. Поверь, станет легче.

Глава 4

Следующий день встречает меня головной болью и кучей сообщений от Маи: «Почему не отвечаешь?», «С тобой всё нормально?». Стоит мне только появиться в сети, как поступает звонок. Словно подруга всё время мониторила, когда я включу телефон. — Агния, что там происходит? Почему ты не отвечаешь со вчерашнего дня? — обеспокоенно проговорила она. — Я выключила телефон вечером, не хотела ни с кем общаться, — даю ей честный ответ. — Ты стала звездой школьных чатов, ты в курсе? — встревоженным голосом задаёт вопрос подруга. — Да, знаю. Не хотела тебя беспокоить. Меня недавно перевели в класс А. Мегера сказала, что мне хотят дать какойто грант. Ты ведь знаешь, сколько денег уходит на лечение брата, я не могла отказаться от такого предложения. Но ребятам из А это не нравится: они не хотят, чтобы ктото из социалов учился вместе с ними. — Допустим, им это не нравится, но ты же не одна учишься по социальной программе? Почему они всей школой решили над тобой издеваться? Это както очень странно и подозрительно! — не унимается Мая. Я так и представляю, как она хмурит тёмные домиком брови: я давно заметила за ней такую привычку. — Не знаю, но спросить мне не у кого. Ничего, я продержусь, осталось немного, и всё закончится. Да и я уверена, что им это надоест через неделю, а я такой шанс упускать не хочу и не могу, — отвечаю я, садясь на кровать и подбирая ноги под себя. — Может, хотя бы учителям расскажем? Это же ненормально, что тебя травят всей школой, — предлагает Мая. — Давай я поговорю с мамой, она подаст заявление директору или в дисциплинарный комитет? — Ты смеёшься? Мегера вчера всё видела, но никак не отреагировала. Она просто сделала вид, что её это не касается. Не думаю, что ктото захочет помочь. Да и твоей маме не нужны такие проблемы. Не бери в голову, я чтонибудь придумаю. — Да, ты права, в нашей школе все трусы, включая учителей, — тяжело вздыхает она. — Ну ничего, мне больничный закроют через 3 дня, во вторник буду в школе, и тебе будет не так грустно. — Не надо общаться со мной в школе, — спокойно отвечаю я и готовлюсь к тому, что она будет возмущаться. — В смысле? Почему я не должна с тобой общаться? — как я и ожидала, гневно проговаривает Мая. — Я не имею в виду совсем прекратить общение. Я говорю о том, что в школе делай вид, будто мы не знакомы. Подожди, я знаю, что ты хочешь сказать, но дай мне договорить, пожалуйста. Ты моя единственная и лучшая подруга, и я не хочу, чтобы ты стала изгоем, как и я. Мне к этому не привыкать: меня люди часто сторонятся, а теперь я стала настоящим объектом внимания. — Стараюсь пошутить, хотя на самом деле мне не до шуток. — Будем общаться вне школы. Она хочет ещё чтото добавить, но я перевожу разговор на другую тему. Разговор с Маей немного поднимает мне настроение. Она всегда такая жизнерадостная и храбрая, что невольно эта энергия и сила передаются и мне. Встаю с кровати на холодный пол и сразу хочу лечь обратно в свою тёплую кровать. Раздвигаю тёмно-синие шторы, пропуская лучи солнца в комнату. На часах стрелка указывает на 7:30 — пора собираться в ненавистную мне школу. Открыв шкаф, зависаю над выбором одежды. Школьную форму вчера я так и не нашла, как и пальто в целом, поэтому начинаю перебирать вещи, аккуратно разложенные по полкам. Взгляд падает на серое трикотажное платье чуть выше колен, с длинными рукавами, круглым вырезом и белыми пуговицами спереди. Собираю волосы в высокий хвост, надеваю любимый серебряный браслет с мелким плетением и подвеской в виде звезды, подаренный братом на последний день рождения, и иду на выход. По пути заглядываю в комнату к маме: она спит непробудным сном. Но это и хорошо — не хочу ругаться с ней с утра пораньше. Надеваю малиновую ветровку и выхожу на улицу, вдыхая холодный мартовский воздух. Солнце уже поднялось над городом, освещая унылую улицу. Из подтаявшей лужи жадно пьёт воду голубь. Навстречу мне идёт пожилой, немного сутулый мужчина: он выгуливает большую чёрную овчарку, ласково называя её «Муся». От этой картины мне становится тепло на душе. Но стоит мне войти в стены школы, как теплоту вытесняет чувство одиночества.

Всё начинает повторяться: повсюду слышится смех, на медиапроекторе на повторе воспроизводится видео, как вчера на физкультуре в меня прилетел мяч, и крупным планом — моё лицо. — Она серьёзно после такого решила прийти? — спросила Марина. Она тоже была из социалов, но поступила благодаря победе в межрегиональной олимпиаде по математике. Её тонкие, словно ниточки, светлые брови взлетели наверх. — Я бы на её месте забрала документы и перевелась. — Да, не говори. Она что, дура совсем, или у неё нет чувства собственного достоинства? — поддержала Ника, поправляя длинные пряди светлых волос, которые обрамляли её широкое лицо с маленькими, цвета болотной тины, глазами. Раньше я думала, что только мажоры жестокие и злые, но, услышав такие слова от социалов, реальность бьёт по лицу: жестокость не зависит от статуса людей. Я стараюсь не обращать на них внимания, поправляю рюкзак и быстрым шагом поднимаюсь по цвета слоновой кости лестнице на второй этаж. Войдя в класс, сразу же начинаю мысленно ёжиться от направленных в мою сторону глаз. — Ну что, девочки, у нас новый стиль в одежде, — подходя ко мне ехидным голосом, проговорила Камилла. Она открыто насмехается над моей одеждой. Её тонкие пальцы с французским маникюром указывают на моё платье. Вся её одежда выглядит дизайнерской: плиссированная чёрная юбка намного выше колен открывает длинные стройные ноги; атласная рубашка цвета чайной розы, вышитые серебряными нитками с замысловатыми узорами, немного расклёшенные манжеты. Рубашка идеально на ней сидит и подчёркивает стройную фигуру; длинные тёмные волосы рассыпаны по спине. Я села за свою парту и начала доставать из рюкзака учебники, делая вид, что не замечаю её. От этого девушка пришла в ярость: её красивые, но злые глаза полыхали. — Да она нам решила бойкот объявить. Пиксель не хочет с нами общаться, — подходя к моей парте, проговорил Максим. — Ну что будем делать? Мы потеряли такого важного человека в нашем классе, целого Пикселя, — наигранно расстроенным голосом проговорил парень. — Может, у неё от вчерашнего удара голос пропал? — предложил Макар, сядя на мою парту и скидывая вещи со стола на пол. — Тогда ей нужно голос срочно вернуть. Ещё один десятичковый — и речь вернётся. Кто будет ставить? — воодушевлённо обратился к классу Максим. Из ряда посыпались ставки: «Ставлю 5000», «Ставлю 3000». Но их прервала Ирина Александровна. Женщина попросила всех занять свои места. — Верникова, подними учебники с пола. Я понимаю, что ты учишься на особых условиях, но не мешай уроку, — проговорила молодая женщина лет тридцати пяти, поправляя очки на красивом лице. Её подтянутую фигуру подчёркивал светлобежевый брючный костюм; волосы цвета вороньего крыла аккуратно собраны в высокий пучок и заколоты белым крабиком; пухлые губы подведены матовой помадой. — Верникова, на мне ответ не написан, — делает замечание Ирина Александровна. Мы решали тест по правилам написания причастного и деепричастного оборота. Когда по рядам начали передавать бланки тестов, Таня, сидевшая впереди меня, бросила лист на пол и демонстративно протёрла руки, будто я какая-то заразная. Мне было неприятно и даже стыдно, хотя я знала, что это не моя вина. Но чувство неловкости никак не хотело меня покидать. Выдохнув, я подняла лист с пола и начала решать тест. Русский мне давался очень легко: всё же я гуманитарий. Закончив с тестом, я даже не стала пытаться передать лист, а сама встала и отнесла на стол учителю. Наконец наступила перемена. Ирина Александровна забрала листы ответов и вышла. Я быстро достала чёрные проводные наушники, включила любимую песню на телефоне и легла, положив голову на сложенные на парте руки. Я хотела абстрагироваться, быть незаметной, словно меня здесь нет. Но буквально через несколько минут я ощутила, как на голову вылилась какая-то холодная жидкость. От неожиданности я подскочила с места. — Что за?.. — но не успела сказать ни слова, как послышался всеобщий смех. Вся парта и мои вещи были залиты, с меня стекала оранжевая жидкость. Макар, Лера и Таня показывали пальцем и снимали. — Вы только посмотрите на её лицо! — засмеялась Камилла, держа в руках пустую бутылку изпод морковного сока. Еле сдерживая слёзы, я побежала в туалет. — Чёрт, он же не выводится! — простонала я в голос, когда оранжевое пятно ещё больше расплылось по светлой

ткани платья. Не сдержавшись, я заплакала. Мне было так обидно и больно от происходящего. «Что я им всем такое сделала? За что они со мной так поступают? Почему это должно происходить именно со мной?» — вопросы, не переставая, появлялись в моей голове, пока я пыталась оттереть одежду. На телефон поступило сообщение в чате, из которого я удалялась, но меня добавляли снова и снова. Ктото успел сделать со мной стикеры и короткое видео с надписью: «Поливаем Пикселя морковным соком — может быть, вырастет». От этого я расплакалась ещё сильнее. Я хочу всё бросить и уйти домой, запереться в квартире и больше никогда не переступить порог этой ужасной, ставшей для меня адом школы. Но холод браслета приводит меня в чувство, заставляет вспомнить о брате, о том, что случилось по моей вине. От безысходности ситуации я начинаю плакать ещё сильнее. Спустя 10 минут истерики я понемногу начала успокаиваться. Посмотревшись в большое прямоугольное зеркало в золотистой раме, увидела своё отражение: опухшие от слёз глаза казались ещё больше на бледном лице, красный нос, растрёпанные каштановые волосы. Да, вид мой был весьма печальный. Глубоко выдохнув, я завязала волосы в хвост и начала умываться холодной водой, чтобы хоть как-то убрать отёки. Стоило мне наклониться над белоснежной раковиной, как за дверью послышались чьи-то шаги и ненавистный мне смех, а затем в двери повернулся замок. Не выключая воду в кране, подхожу к двери и мысленно уповаю на то, что угодно, лишь бы моя догадка оказалась неверна и меня не закрыли. Но, дёрнув за чёрную металлическую ручку белой двери, слёзы опять начали щипать глаза. «Только не это! Историк точно меня выперет. Да что такое!» Осмотрев помещение, глаза наткнулись на окно. Я миниатюрная, легко пролезу. Тем более это всего лишь первый этаж: если упаду, максимум сломаю ногу и уйду на больничный — сплошные плюсы, — обрадовала я саму себя. — Так, ладно, я справлюсь. Забравшись на широкий подоконник, хватаюсь за край проёма и перекидываю одну ногу через раму, пытаюсь нащупать какую-нибудь твёрдую поверхность. Но нога предательски висит в воздухе. От страха чувствую, как прерывается дыхание и дрожат руки. — Ввести новую форму не получилось, решила открыть новый вид спорта? — послышался уже знакомый мне голос снизу. Посмотрев вниз, вижу смеющегося парня. Он, сложив руки, весело наблюдает за моими безуспешными попытками спуститься. — Нет, я просто форточница, оттачиваю свои навыки, чтобы ночью проникнуть в дома богатых одноклассников, — ответила я, пытаюсь правой ногой встать. Боже, как страшно! Я до смерти боюсь высоты. — Занятное у тебя хобби. А с виду такая милая девочка, — всё не унимался он. — Но, боюсь, длины твоей ноги не хватит, чтобы встать, — с иронией сказал он. Да он просто капитан Очевидность — я это и так уже понимаю. — Да ничего, я сейчас... — Ну, удачи тебе в твоих начинаниях. Если что, в мой дом тебе попасть не удастся: скажу, чтобы усилили охрану, — говорит он и уходит. Блин, не получается. Придётся ждать, пока кто-нибудь откроет дверь. Но не успеваю я закончить мысль, как слышу звук открывающейся двери, а затем кто-то крепко хватается меня за талию и просто вытягивает, как куклу, из окна. — Понимаю, что тебе нравится в моих объятиях, но можешь уже вставать, — говорит Влад, опуская меня на пол. — Спасибо, — неловко проговариваю я, поправляя одежду. — Да, второй раз видимся, и второй раз выступаю в роли твоего спасителя. Должна мне будешь, форточница, — улыбается парень и смотрит на свои дорогие часы с серебряным, отливающим холодным блеском циферблатом: каждая цифра аккуратно выгравирована белым золотом. Весь внешний вид парня кричал о том, что он из мажоров: дорогой серый костюм с идеально тонкими и ровными швами подчёркивал силуэт, широкие плечи и высокий рост. — Если закончила меня взглядом сверлить, пошли. Надеюсь, бегаешь ты лучше, чем в окно пробираешься, — поймав мой недоумённый взгляд, продолжает Влад. — Через 2 минуты урок. Шли мы быстро, почти бегом: я очень боялась опоздать. Но всё равно искоса рассматривала парня. Он же явно мажор, но почему же так добр ко мне? Когда мы подошли к двери класса, я обратилась к нему: — Если хочешь спокойно учиться, не подходи и не разговаривай со мной. — Почему? Мне твоя компания очень даже импонирует. — Просто прими мой совет и найди друзей из своего круга, — говорю и захожу в

класс. На меня сразу таращатся удивлённые взгляды близнецов: видимо, это было их рук дело. Не сказав ни слова, сажусь за парту, но неожиданно для меня всё внимание переключается на Влада. — Привет, мои дорогие! Знаю, скучали, переживали, вспоминали обо мне, и вот он я, — в непринуждённой и шутиливой манере говорит парень. — Так, где бы мне сесть? — задумчиво задаёт сам себе вопрос Влад. — Сяду тут, — говорит он и указывает на место впереди меня, и с ухмылкой смотрит на Дамира, который не сводит с нас взгляда.

Глава 5

— Влад, но это моё место! — возмутилась Таня, обидчиво надувая пухлые губы, как будто ребёнок, которому не купили понравившуюся игрушку. Но на парня это не производит никакого впечатления. Он смахивает все её вещи на пол и садится за парту. — Нужно старшим уступать, тебе разве не говорили об этом? — Девушка хочет возразить: — Влад, но я здесь си... — Но парень, резко изменившимся, немного холодным тоном, всё так же с улыбкой, её прерывает: — Если что-то не устраивает, могу обеспечить переход в класс Е, там как раз место освободилось, можешь выбрать любое. — Нет, не нужно, я пересяду. — Больше ничего не говоря, она наклоняется и начинает собирать разбросанные тетради, блеск для губ и другую косметику. Он больше не обращает ни на неё, ни на меня никакого внимания, а подходит к Захару и переключается на разговор с ним. Парень легко хлопает Влада по плечу. — Не думал, что ты всё-таки решишь вернуться, — опираясь бедром об парту, говорит высокий светловолосый парень. — Когда я получил сообщение, то не смог устоять, для меня это будет определённо интересно, — с азартом смотрит в мою сторону Влад и что-то тихо говорит Захару, задержав на мне взгляд холодных глаз. — Только всё должно быть чисто, никак в прошлый раз, — многозначительно предупреждает блондин. и что-то показывает ему в телефоне. — Всё будет в лучшем виде, я уже вошёл в игру, — усмехается шатен и подмигивает мне правым глазом. Эта ситуация и их странный разговор окончательно убеждают в том, что надо держаться как можно дальше от Влада: за его, на первый взгляд, весёлым характером скрывается что-то тёмное и пугающее. Наконец урок закончился. История международных отношений во второй половине XX века окончательно выбила меня из сил. — Верникова, жду от тебя доклад на следующую тему, — напомнил Александр Николаевич и вышел из класса. «А я его совсем не жду», — крутится в голове. У меня на этой неделе много подработок. И когда всё успеть? Я с нетерпением жду, когда все остальные последуют его примеру. По моим наблюдениям, на большой перемене все уходили в кофетерий или столовую. Так вышло и сегодня: первыми вышли Дамир, Захар и Влад, за ними направились к выходу и остальные. Наконец Лера вместе с Настей последними покинули класс. Проходя мимо меня, они не упустили возможность отпустить колкость в мой адрес: «Посмотри, во что превратились её волосы, она и правда Пиксель». «Терпи, терпи, скоро всё закончится, ради брата терпи», — повторила я про себя. Когда за ними закрылась дверь, я с облегчением выдохнула и достала из рюкзака свой обед: сырок со сгущённым молоком и малиновый йогурт. Надела проводные наушники, нашла в истории просмотра сохранённое видео про убийство студентки в заброшенной психбольнице и полностью погрузилась в расследование. Мне с детства нравилась криминальная хроника, сюжеты про маньяков и каннибалов. Помню, как-то пошла ночевать к подруге, мы с ней всю ночь смотрели репортаж про маньяковлюдоедов, я потом неделю не могла есть мясо. Когда смотрела на кусок отбивной, фантазия сама дорисовывала все ужасные детали, и к горлу подкатывала тошнота. Под напряжённую и тихую музыку репортёр начал расследование: «Тело жертвы с тринадцатью ножевыми ранениями было найдено в 10 часов вечера на окраине города, в заброшенной психиатрической больнице». — Эй, ты этим наешься? Тебе разве не надо больше мяса есть, чтобы вырасти? — раздаётся весёлый голос рядом со мной. От неожиданности и испуга я дёргаюсь и давлюсь сырком. В горле начинает першить, а глаза наполняются слезами. — Тебе постучать? — подходя ближе ко мне, спрашивает Влад. — Нет, нет, — пытаюсь откашляться. И, пока неловко встаю из-за парты, больно ударяюсь правым коленом о стол, задевая проводные наушники, и вырываю их из разъёма телефона. Он с треском падает на пол и приземляется прямо рядом с чёрными дерби Дамира. «Девушка была ещё жива, когда убийца вырвал ей ноготь на указательном пальце правой руки», — продолжает вещать напряжённым голосом ведущий на видео. В этот момент в классе повисла мёртвая тишина. Я чувствовала, как четыре

пары глаз не сводили с меня удивлённый и ошеломлённый взгляд.— Ого, форточница, ты не перестаёшь меня удивлять! Ты что, решила примерить роль маньяка? Клянусь, я не хотел тебя пугать, теперь стороной буду тебя обходить, — продолжает шутить Влад, а меня до костей жгут серые, почти чёрные глаза Дамира. Быстро наклонившись к его ногам, поднимаю телефон и, наконец, нажимаю на «Стоп». Интересно, я хоть когданибудь перестану позориться? Мне было так стыдно, будто меня поймали за занятием чемто непристойным. Щёки просто горели огнём, да и не только они: мне казалось, что покраснели даже уши. Сев за парту, распускаю длинные шоколадного цвета волосы и пытаюсь за ними скрыться.— Форточница, так а чем ты ещё увлекаешься, кроме взлома и убийств? — не отстаёт Влад. Он пытается поймать мой взгляд. Его улыбка мягкая, но глаза она не трогает. Есть в нём чтото, чего я понять не могу. — Ничем, — отмахиваюсь я, поправляя волосы за уши. Меньше всего сейчас мне хотелось с ним разговаривать.— Ну, ты смотри, если соберёшься на дело, на меня можешь не рассчитывать. В случае если повяжут, максимум могу адвоката хорошего посоветовать, — проводит подушечкой указательного пальца Влад по своему подбородку и продолжает: — Хотя с твоими увлечениями лучше нанимать сразу двоих.— Чтобы оплатить рекомендованных тобой адвокатов, мне придётся ещё на одно дело сходить, — парирую я. Судя по его часам, услуги адвоката стоят как почка.— Какая ты забавная, — веселится он и проводит рукой по моей голове, заставляя интуитивно дёргаться от этого движения. Впервые за всё это время ко мне кто-то прикоснулся в этой школе, обычно меня сторонятся, как прокажённой.— Влад, ты что делаешь? — недовольным тоном спрашивает Камилла. Казалось, что от гнева она раскалит до огня стаканчик с ароматным кофе, который держала в руках. — Зачем ты разговариваешь и трогаешь её? — презрительно спрашивает она, хмуря свои аккуратные, идеально уложенные тёмные брови.— А что с ней не так? Только не говори, что после полуночи ты превращаешься в чудище? Чего стоит ожидать: носа как у слона или клыков? — поворачивается ко мне парень и наигранно изображает испуг.— Вообще-то у меня появляются копыта, — слегка улыбаюсь в ответ. Его непринуждённость вызывает улыбку.— Ладно, копыта так копыта, — выставив руки вверх, соглашается он.— Влад, ты не знаешь, её определили, не разговаривай с ней, — подходя к парте Влада, говорит один из близнецов. Парень медленно, даже лениво встаёт изза парты и хлопает близнеца по плечу: — Дорогой мой друг, я вот что-то не помню, чтобы спрашивал у тебя совета, или мне так кажется? — всё так же смеясь, говорит Влад. И я ещё раз убеждаюсь, насколько он высокий: он выше близнецов на полголовы, а близнецы выше меня на голову. Итого я снова в конце иерархии этой ростовой системы. — Если мне нужен будет твой совет, я тебе сообщу, а пока я его не просил, не нужно мне его давать, — нарочито медленным тоном говорит Влад и хлопает близнеца по плечу, от чего мне становится жутко, ведь в зелёных глазах застывает ярость.— Ребята, занимайте свои места, — вежливо просит учитель биологии. Из всего преподавательского состава Анна Сергеевна мне нравилась больше всех. Её нельзя назвать красивой в принятом понимании: курносый, с широкими ноздрями нос, большие карие глаза, массивная челюсть. Но с её тонких, с чётким контуром губ никогда не сходила улыбка. Сегодня на ней был благородного алого оттенка брючный костюм. Изза классического кроя он не казался вызывающим или неподобающим для школы. Она была справедливой, если это можно так назвать: никогда не делала замечаний мажорам, но и социалам. Во время урока я немного перевела взгляд на Дамира: его внешность манила, только на эту красоту можно было смотреть издалека. Длинные, с чётко проступающими венами и суставами пальцы небрежно держали чёрный телефон. «Он мог бы играть на каком-либо музыкальном инструменте», — почему-то промелькнуло в моей голове. Чёрные и густые ресницы обрамляли серые глаза. Белоснежная, классического кроя рубашка без принтов или каких-то лишних деталей добавляла его образу непринуждённость и расслабленность. Чёрные брюки прямого кроя идеально подчёркивали длинные ноги.— Агния, подготовишь доклад, — вырывает меня из раздумий Анна Сергеевна.— Да, да, конечно, — отвечаю невпопад и утыкаюсь в тетрадь, в

которой так ничего и не написала. Опять доклад! Да они все надо мной решили поиздеваться, что ли?! Наконец прозвучал звонок, и заканчивается этот напряжённый ад. Я мысленно глажу себя по голове за то, что продержалась ещё день. Аккуратно собираю свои вещи в рюкзак, желая поскорее покинуть это место, когда над головой раздаётся низкий, с лёгкой хрипотцой голос: «Убийца — сосед», — спокойно произносит Дамир и идёт на выход. А в моей руке так и замирает учебник. Что это только что было?

Глава 6

В школе день проходит как обычно, за исключением одного: про меня все как будто забыли. Со мной никто не разговаривает, все обходят стороной, словно меня и нет. Я была этому очень рада: видимо, им надоело издеваться надо мной. Я предпочту, чтобы так до конца окончания школы и оставалось. Дождавшись, когда учитель математики покинет класс, я в приподнятом настроении поспешила вслед за ним. Даже начавшийся дождь не омрачил моё веселье. Но настроение резко падает — как с прыжка с высоты, — когда, поднимаясь по бетонным, потёртым, с облупленной синей краской ступеням лестницы, я слышу голоса мамы и её нового ухажёра, который приходит несколько раз в неделю, и тогда она совсем срывается. Поправив рюкзак и устало выдохнув, захожу в квартиру. — Это ты, Агния? А мы с Ниной как раз тебя ждали. Пошли к нам за стол, у нас там рыбка вяленая, — притворным голосом обращается ко мне Николай. Его выпуклые глаза, как обычно, проходятся по мне. Он приглаживает свои тонкие и жидкие рыжие волосы. На однотонном сером свитере с круглым вырезом растекается маслянистое пятно. От одного его вида мне становится не по себе. Вообще, в его компании я чувствую себя беспокойно. Хотя он был ненамного выше меня — всего на несколько сантиметров, — он тучный и достаточно крупный. — Да, дядь Коля, спасибо, но я в школе поела, — стараюсь вежливо отказаться и уйти в свою комнату, но он не обращает на это внимания, обнимает меня за талию и ведёт на кухню. От него исходит неприятный запах пота, пива и рыбы, так что мне становится нехорошо. — Да ладно, что ты ломаешься? Вон какая худая — кости одни, — продолжает настаивать он. — Я правда не хочу, — пытаюсь безуспешно вырваться, но он хватает меня за руку и сильно сжимает её, отчего на коже сразу появляются красные пятна. На небольшой кухне царит настоящий хаос. На полу — пустые бутылки изпод пива и водки. На столе, покрытом белой скатертью с красным маком и цветами, лежит рыба, окурки от сигарет, грязная посуда. — Да отпусти ты её! Видишь, брезгует она с нами сидеть, считает себя выше этого, — невнятно проговаривает мама, поднимая бокал с пивом, и выпивает всё до дна. Мне грустно и больно на неё смотреть: раньше она казалась мне самой красивой женщиной в мире. Короткие, до плеч, русые волосы, сероголубые глаза, курносый нос, высокие скулы, мягкая улыбка. Сейчас передо мной её тень: неухоженные, завязанные в растрёпанный пучок волосы, растянутый синий свитер, в глазах — пустота. — Конечно, конечно, — миролюбиво проговаривает дядя Коля и наконец отпускает мою руку. — На завтра нужно подготовить доклад. Я пойду к себе в комнату, — поспешила уйти я, растирая руку, чтобы не остались синяки. Но стоило мне сделать несколько шагов, как раздаётся звук телефона. — Агния, твоя мама опять не вышла в смену. Уже второй раз за неделю. Сегодня специальный заказ, людей много, а я замену даже найти не могу, — кричит мне в ухо управляющая ночного клуба «Астрэль». — Зная вашу ситуацию, я не раз прикрывала Нину, но она очень подставила меня. Не обессудь, я её уволю: так больше продолжаться не может, — гневно и очень громко говорит Ирина Ивановна. — Простите, может быть, я подменю маму? Я же несколько раз выходила в её смену. Она сегодня не очень хорошо себя чувствует, — прошу я в надежде, что она согласится. Хотя мама и работала посудомойщицей, но эту работу терять нельзя: удобный график, хорошая зарплата, а самое главное — управляющая закрывает глаза на то, что мама выпивает. Подумав несколько секунд, она соглашается: — Ладно, сегодня день и в самом деле загружен. Только смотри, это в последний раз, — пригрозила она и сбросила вызов. Быстрым шагом захожу к себе в комнату и запираю дверь на ключ, чтобы переодеться. Надеваю однотонное чёрное худи, синие джинсы скинни, волосы завязываю в высокий хвост. На телефон приходит СМС от Майи: «Дорогая, ну как там дела?» Присев на кровать, набираю ответ: «Всё отлично, все забыли про меня. Я же говорила, что через неделю им надоест издеваться надо мной». Через несколько минут от подруги приходит новое сообщение: «Всё равно будь осторожней. Не нравится мне

эта вся ситуация». Прочитав СМС, на губах непроизвольно появляется улыбка: так приятно, когда о тебе кто-то переживает. Перед выходом заглядываю на кухню: мама, сидя за столом, продолжает выпивать. Покачив головой, выхожу из квартиры. Посмотрев в телефоне на время, с досадой понимаю, что придётся ехать на такси, так как смена началась уже 30 минут назад. Такси остановилось в самом центре города, возле самого известного и популярного клуба города «Астраэль». Большое двухэтажное здание с красной вывеской так и манило прохожих превратить обычный день в праздник. Увидев меня, охранники сразу пропускают внутрь. В клубе громко играет музыка; смех, танцы и запах алкоголя так сильно контрастировали с моей жизнью. — Агния, опять пришла маму выручать? А в школу тебе не надо завтра? — посетовала тётя Лида. Несмотря на её внешность — высокий рост, слишком острый подбородок, нос с горбиной, большая родинка на правой щеке, — она была одной из немногих, кто спрашивал о моих делах. — Нет, всё хорошо. Завтра суббота, я не учусь, поэтому успею выспаться. Середина смены прошла спокойно. Только от усталости хотелось спать: даже громкая музыка никак не могла прогнать сонливость. Ещё я с тоской смотрела на людей, которые веселились от души. Повсюду слышался смех и веселье. Я завидовала их беззаботности и беспечности. — Агния, Агния! — громче позвала тётя Лида и выключила воду. — Кто-то возле бара разбил стакан. Убери, пожалуйста. Меня Ирина Ивановна зачем-то вызвала, — сказала тётя Лида и поспешила в кабинет к управляющей. Я собрала все осколки. Уже собиралась уходить, но почувствовала сильный толчок в спину. Не удержавшись, случайно толкну человека впереди себя. — Что за... — раздаётся недовольный голос Стаса Ярлыкова, моего одноклассника. Всё с таким же недовольным лицом он поднимает телефон, который выпал у него из рук от удара, и тут я обнаружила, что экран телефона весь разбит. — Прости, меня кто-то толкнул, — начала оправдываться я, но неожиданно вместо крика услышала радостное: — Да ладно, это ты, — почесав широкую тёмную бровь, говорит блондин. Его глаза искрились азартом. — И что наш пиксель здесь делает? — растягивая губы в усмешке, спрашивает он, но, не дав мне сказать и слова, продолжает: — Хотя какая разница. Пошли! — схватив меня за левую руку, он потащил по лестнице на второй этаж, в випкомнату. — Эй, народ, смотрите, кого я привёл! — громко и радостно говорит Стас, оставив меня в середине зала. Випзал сильно отличается от первого этажа, где развлекалась основная масса. Приглушённая музыка не била битами по голове, а играла ненавязчиво и атмосферно. Встроенная подсветка с холодным синим сечением, объёмные диваны, обтянутые чёрной кожей, стояли полукругом. Посередине стоял небольшой прозрачный стеклянный столик с закусками и фруктами. — Пиксель, что ты здесь делаешь? Неужели развлекаться пришла? — ехидно спросила Камилла, поправляя чёрное короткое платье с россыпью мелких страз. Её волосы были уложены в объёмные локоны, словно над ними не один час работал стилист. — Думаешь, в такой одежде развлекаются? — отвечает за меня Стас и берёт со стола стакан с синей жидкостью. — Ты прав, эта одежда слишком изысканна для такого места, но пиксель — в самый раз, — подхватывает веселье близнец. — Эй, только перед школой не забывай мыть тщательно руки. Я не хочу чем-нибудь заразиться. А что вы так на меня смотрите? Она непонятно чем тут занимается, — брезгливо сказала Таня. — Вот блин, она мне телефон разбила! — сетует Стас, вертя в руках телефон. — Это случайность. Меня кто-то толкнул, — впервые возражаю я. Не люблю, когда кто-то безосновательно наговаривает на меня. Я могу многое стерпеть, но только не клевету. — Значит, нужно было падать лицом вниз, а не за меня хвататься. Ты хоть знаешь, сколько он стоит? — высокомерно отвечает Стас, махая гаджетом перед моим лицом. — Это была случайность. Я возмещу тебе стоимость. Также можно по камерам посмотреть, что меня толкнули. — Ты думаешь, мне заняться больше нечем? И ты говоришь, что возместишь? Серьёзно? У нас что, такую большую стипендию платят? Дамир, может, попросить твоего брата мне тоже стипендию платить? — смеясь, поворачивается Стас к парню, который сидит расслабленно в кожаном кресле. На нём тёмносерая рубашка свободного кроя с расстёгнутым воротом, которая оттеняла цвет его глубоких глаз. На плечи накинута чёрная

кожаная куртка. Он что-то листает в телефоне: ему явно здесь неинтересно. — Да ладно, хватит вам девчонку пугать. Ну подумаешь, телефон разбила. Главное в жизни — это удовольствие и развлечение, а остальное всё неважно, — подошёл ко мне и, опустив тёплые руки мне на плечи, неожиданно проговаривает Захар. Это впервые, когда он разговаривает со мной, и мне не нравится его взгляд и приторнослазкий голос, поэтому я отхожу от него на несколько шагов, вызывая у него лишь усмешку. — С характером! — смеётся он. — Эй, Мирыч, помнишь, мы с тобой спорили, у кого самый маленький размер в классе? Кажется, сегодня сможем узнать, — обратился Захар к парню, от которого у меня по спине проходил холодок. Тот лишь лениво перевёл взгляд в мою сторону. — Что за спор? — с интересом спрашивает Камилла и садится рядом с Дамиром, как будто невзначай положив руку рядом с его бедром. — Я тебе говорю, что у пикселя сто процентов, — продолжает Захар и что-то тихо говорит Стасу. — Так, народ, предлагаю следующее. Агния, — подходит ко мне Стас, — я забываю про телефон, а ты показываешь свою грудь. Спокойно, без истерик. Раздеваешься до лифчика. Мы же не извращенцы здесь, — радостно продолжает он, поглядывая в сторону Захара, будто ожидая одобрения. Он что, сейчас смеётся? Я не буду этого делать. — Я не буду этого делать. Стоимость телефона я тебе возьму, на большее даже не рассчитывай. За кого он меня принимает? Я живой человек, а не предмет какого-то дурацкого спора. От его предложения меня всю коробит. — Да вы посмотрите: пиксель умеет злиться! — фыркает близнец и подходит к брату. — Послушайте, это переходит все границы. Я не хотела разбивать телефон, меня кто-то толкнул, но это всего лишь вещь. Как можно за разбитый телефон о таком просить? — разгневанно говорю я. У меня и правда в голове не укладывается, насколько же испорченными можно быть. — Эй, а ты не слишком ли разошлась? Этот телефон из лимитированной коллекции. Ты его стоимость мне год возмещать будешь, — одергивает Стас. — Да остыньте вы! Что накинудись на девчонку? Конечно, она вернёт тебе долг, но вот что делает ученица престижной школы в таком месте... Мне грустно это говорить, но как законопослушный гражданин, я обязан сообщить об этом. Ты в этом, конечно же, не виновата, но администратор, который позволил тебе здесь работать, должен понести наказание, — опять приторнозаботливым голосом говорит Захар. — От учёбы тебя могут также отстранить за неподобающее поведение. Скотина! Он нарочно давит на больные точки. Я не могу потерять место в школе: если это произойдёт, брат больше не сможет лечиться в лучшей частной клинике нашего города. И я не могу допустить, чтобы из-за меня наказали Ирину Ивановну — она столько раз нас выручала. Понимая безысходность ситуации, к глазам подступили слёзы, мне становится трудно дышать. Они загоняют меня, словно мышшь в угол, обрубая все пути к отступлению. Я понимаю, что у меня нет права выбора, права отказаться. Сжимая кулаки и больно царапая кожу рук ногтями, я соглашаюсь: — Хорошо, я это сделаю, но никаких камер, — как можно более безразличным голосом озвучиваю свои условия, стараясь сдержать слёзы и дрожь в голосе. — Конечно, — сложил руки Захар. — Камеры все убрали, — отдаёт приказ он. Медленно я начала расстёгивать одну за другой пуговицы белой, как мел, рабочей рубашки, но пальцы не слушались: они словно стали деревянными. Каждое движение казалось мне мучением и испытанием, словно я предавала саму себя. Все взгляды были устремлены в мою сторону. Девушки смотрели с отвращением и нескрываемым презрением. — Кошмар! Какая уважающая себя девушка на такое согласится? Но её происхождение обо всём говорит, — кривя пухлые губы, сказала Камилла. Парни смотрели с интересом — все, кроме одного. Лишь взгляд Дамира был холоден: казалось, что ему скучно от происходящего. Он почти всё время смотрел в телефон, лишь на мгновение поднял на меня взгляд, а потом опять перевёл глаза в смартфон. «Давай, Агния, ничего страшного. Подумай о чём-нибудь хорошем», — пытаюсь успокоить я саму себя, но в голове пусто. Мне нехорошо: сердце болезненно сжимается, руки трясутся и не слушаются, хочется лишь прикрыться и убежать как можно дальше. Видимо, и правда всё, что со мной сейчас происходит, — это моё наказание за то, что я так поступила с братом, за то, что он сейчас в таком состоянии. Это моя вина, только

моя. Пальцы замирают на последней пуговице. Я сжимаю её, как последний защитный барьер. Мне кажется, что, если я её расстёгну, от меня, от моей души больше ничего не останется. Я смотрю на присутствующих в комнате, надеясь увидеть хоть в ком-то из них человека, но нет: в их глазах только предвкушение и удовлетворение от происходящего. Ненавижу их всех! Ненавижу, ненавижу их жестокость и чувство вседозволенности! Дрожащими пальцами я расстёгиваю пуговицу, но прежде чем успеваю распахнуть полы рубашки, передо мной появляется чья-то высокая тень, которая закрывает меня от чужих глаз. Подняв глаза, я вижу Дамира, который прикрывает меня своей чёрной курткой. Я сразу ощущаю тепло и приятный, почти неведомый аромат мужского парфюма. Наклонившись ко мне, Дамир усмехается: — Единичка... Как я и думал, — говорит он и идёт на выход. За ним выходят Захар и все остальные.

Глава 7

Я даже не помню, как добралась домой. Мне казалось, что я смотрю на всё со стороны, как будто это произошло не со мной, как будто меня не было в том злосчастном клубе, я была где-то далеко. В голове и в душе была пустота. Только дома я начала осознавать, что всё это случилось именно со мной. Мне без конца было так одиноко! Хотелось, чтобы меня кто-то поддерживал и утешил. Моё сердце разрывалось на части, я искренне нуждалась в тепле, но квартира встретила меня лишь холодным молчанием и безразличием. На носочках я тихо прошла в свою комнату и только сейчас поняла, что на мне так и была надета куртка Дамира, от которой исходил лёгкий и приятный аромат, который почему-то придавал чувство защищённости и теплоты. Нехотя я аккуратно сняла куртку и повесила на спинку стула, чтобы лишний раз не помять или не испачкать её, потому что она выглядела очень дорогой. Утром я съездила к брату в больницу, поговорила с лечащим врачом. Его слова о том, что в Германии есть клиника, которая специализируется на таких тяжёлых случаях, как у брата, вселили в меня надежду, что Дания скоро очнётся и всё будет как прежде. Но когда Владимир Эдуардович снял очки с худого лица и, пригладив свои короткие седые волосы, сказал: «Агния, лечение в такой клинике очень дорого обойдётся — порядка 150 тысяч долларов. Состояние твоего брата сейчас стабильно, но, — сделав паузу и посмотрев на меня сероголубыми глазами, вокруг которых собрались возрастные морщинки, продолжил, — для него это единственный шанс на восстановление. К сожалению, каждый день на счету. Я попробую найти каких-нибудь спонсоров, но обещать не могу». После разговора с врачом все мои мысли были заняты только одной проблемой: где найти деньги на лечение. Мегера говорила что-то про грант — нужно более подробно у неё узнать. Не успела я повернуть ключ, чтобы открыть входную дверь квартиры, как на дисплее мобильного телефона расплылось имя Мая. — Агния, привет! У меня офигенная новость: мамин хороший знакомый устраивает ежегодную благотворительную акцию для детей из приюта. Им нужны официанты: работать всего три часа, а заплатят за целый день. Хочешь пойти? — протараторила подруга запыхавшимся голосом, будто она марафон пробежала. — Да, да, хочу, очень хочу! Сейчас любая копейка на счету, и, может быть, я смогу найти там кого-нибудь из спонсоров для Дани. — Отлично! Я тогда скажу Ивану Степановичу про тебя. Через минут десять скину СМС — все детали, — весело сказала она и отключилась. Через полтора часа я была уже в назначенном месте. Мероприятие проводилось в одном из самых элитных отелей города — «Меррион». Высокое стеклянное здание возвышалось в самом центре нашего города. Войдя в холл, я сразу почувствовала запах роскоши. Везде была идеальная чистота: даже на полу, сделанном из серого гранита с белыми прожилками, казалось, что можно увидеть своё отражение. Осмотревшись вокруг, я увидела себя в отражении стеклянного лифта: потёртые джинсы тёмносинего цвета, серый вязаный свитер, волосы собраны в пучок. Я явно не вписывалась в интерьер этого места, но деньги мне были очень нужны, поэтому, сжав кулаки, я пошла к массивной стойке ресепшен, сделанной из белого мрамора. — Могу чем-то помочь? — с белоснежной улыбкой спросила симпатичная девушка-администратор. В её тёмнокарих глазах читались удивление и скрытое презрение. — Я... мне к Ивану Степановичу насчёт работы. От моих слов взгляд девушки сразу же поменялся, а с идеально подведённых красным карандашом губ исчезла улыбка. — Да, говорили, что кто-то придёт. Игорь, проводи к Ивану Степановичу. Пока я шла за невысоким парнем худощавого телосложения, рассматривала интерьер отеля. Высокие потолки, стены из белого полированного мрамора с чёрными прожилками. Освещение было мягким — от настенных бра. — Иван Степанович, — обратился к тучному мужчине средних лет, у которого на волосах блестела седина, парень. — Добрый день, я Агния Верникова, меня... Но мужчина даже не дослушал и сразу перебил: — Дада, Мая говорила, что ты придёшь, — придиричиво окинув меня взглядом голубых глаз, сказал он, поджимая тонкие

губы. — Задача несложная: раздавать гостям рисунки, которые подготовили дети. — А вам разве не нужен официант? — неуверенно спросила я, оглядываясь по сторонам. Вокруг царил хаос: официанты в спешке разливали напитки по фужерам, подготавливали буклеты — все носились по залу в безумном темпе. — Нет, мы нашли замену. Да и ты слишком... хм, миниатюрная, — немного замялся он, видимо, подбирая слова. — Так, времени нет! Аня, подойди! — позвал он высокую стройную девушку с россыпью рыжих волос. — Это Агата, — представил он меня; имя моё он спутал, но я не стала его поправлять — так как все его путают. — Она будет сегодня раздавать рисунки. Расскажи ей всё и форму для неё подберите. Всё, оставляю её на тебя. Ну вот что вы делаете?! Я же сказал — синие ленты! — оставив нас и размахивая руками, он пошёл к молодым парням, которые крепили ленты к каждому столу. — Так, Агата, — обратилась ко мне девушка. — Агния, — поймав её вопросительный взгляд, пояснила я. — Меня зовут Агния. — Поняла. Значит, Агния, задача простая: мило улыбаешься и раздаёшь всем гостям рисунки, которые подготовили дети. Ещё раз подчеркну: самое главное — мило улыбаешься. — Поправив тёмносинюю юбкукарандаш, которая выигрышно подчёркивала её длинные ноги, она продолжила: — Если кто-то из гостей будет чем-то недоволен или что-то случится, сразу сообщай мне. Задача и правда была простой, поэтому я согласно кивнула и пошла за ней в небольшую комнату для персонала, где была развешана униформа. — Так, давай посмотрим, — сказала она, снимая с вешалки вещи и прикладывая их ко мне. — У нас, к сожалению, нет твоего размера. Думаю, одежда будет тебе велика, — сведя свои аккуратные чёрные тонкие брови, сказала она. Сняв с вешалки белоснежную хлопковую рубашку с плоскими чёрными пуговицами, я приложила её к себе. — Рубашка должна подойти. Я рукава немного подверну — и никто не заметит. А юбка... — закусив губу, я призадумалась и посмотрела на чёрную юбкукарандаш. — Можно подшить. — Ага, у нас здесь швейная мастерская, что ли? — ехидно ответила она. — Может, есть булавка? Я аккуратно подгоню булавкой — и следов не останется. Немного подумав, она согласилась: — Это уже лучше вариант. Пойду у девочек спрошу. Жди меня пока здесь, — сказала она и вышла из комнаты. Я ещё раз посмотрела на униформу. Да, одежда мне явно велика, и я боялась, что из-за этого мне откажут в работе. — Вот, нашла, — передавая на ходу чёрную булавку среднего размера, сказала Аня. — Только аккуратно всё сделай. На юбке не должно остаться никаких следов, иначе из зарплаты могут вычесть, — предостерегла меня она. — И волосы завяжи в хвост. — Хорошо, — ответила я, надевая юбку. Аккуратно собрав на талии лишнюю ткань, закрепила булавку. «Надеюсь, продержится до конца вечера», — подумала я. Посмотрев на себя в зеркало, немного успокоилась: в целом выглядела очень симпатично и аккуратно. Даже не заметно, что вещи мне велики. Надев чёрные туфли на невысоком каблучке, я пошла в зал, в котором будет проходить вечер. Стоит мне войти в зал — ко мне сразу подходит Аня. Окинув меня взглядом, она утвердительно кивнула: — Да, видно, что одежда немного велика, но в целом всё выглядит симпатично. Вот, возьми, — передавая мне стопку листов, продолжила девушка. — Твоё место возле крайнего стола. Раздавай всем подходящим рисунки, говори, что их подготовили дети специально для них. — Поняла. — Тогда отлично. Через 10 минут будет начало. И да, не забудь улыбаться, — ещё раз напомнила она. Взяв рисунки в руки, я решила посмотреть, что на них нарисовано. От увиденного у меня непроизвольно появилась улыбка: на всех рисунках была изображена счастливая семья — мама, папа, все они держатся за руки. Жаль, что дети по-настоящему не могут ощутить это чувство. Впрочем, как и я. Прошло уже 30 минут с начала вечера. Аня оказалась права: все гости выглядели очень представительно — классические костюмы, дорогие часы, дорогой парфюм. Все они с фальшивой улыбкой брали рисунки, но ни один из них даже не удосужился посмотреть, что нарисовано. — Форточница, решила сменить вид деятельности? — прозвучал уже знакомый бархатный голос. — Влад, ты опять меня напугал! — прижимая руки к груди, проговорила я. — Что же ты всегда вздрагиваешь от меня? Напоминаю: я в десять досматриваю мультики и иду спать, а ты — документалками про маньяков, — подмигнул парень. Он

выглядел явно старше и представительнее своих лет.: костюм насыщенного синего цвета; под пиджаком виднелась чёрная рубашка, расстёгнутая на верхние две пуговицы. Часы на запястье дополняли образ. — Просто ты появился неожиданно. Но что ты здесь делаешь? — поправляя волосы, решила спросить у него. — Неужели тоже гость? Я думала, такие вечера посещают только люди старше тридцати. — Что я делаю? У себя же на благотворительном вечере, — с улыбкой спросил он. — Так этот фонд принадлежит твоей семье? — Да, — ответил он, бегло просматривая рисунки. Затем я заметила, как его губы растянулись в ухмылке. — Почему ты смеёшься? — ровняя листы бумаги, уточнила я, когда заметила в его взгляде презрение. — Они каждый год рисуют одно и то же. Им заранее говорят, что нужно рисовать. Организаторы такие дураки... Неужели правда думают, что людей, находящихся здесь, тронет это? — цинично проговорил он. — Дети рисуют в надежде быть услышанными. Что в этом плохого? Каждый человек имеет право на мечту и желания! — возмутилась я. — Как он может так говорить? Это же сироты, они просто хотят любви и заботы! — Конечно, каждый имеет на это право, — спокойно ответил Влад. — Но они должны сразу понимать, что не все желания исполняются. И вместо того, чтобы просить несбыточного, нужно просить то, что сможешь получить и достичь. — Ты говоришь про маленьких детей. Дети все наивные и невинные, они не судят так цинично и жадно... Я хотела добавить что-то ещё, но меня перебила Аня. Она бросила на меня укоризненный взгляд и с улыбкой обратилась к парню: — Владислав Сергеевич, что-то не так? Я могу вам чем-то помочь? — заискивающе спросила она. — Нет, всё на высоте, как и обычно, — сказал он ей и ушёл, оставляя меня в раздумьях. Я простояла уже час, и ноги немного ныли и болели. Пока никто не обращал на меня внимания, я нагнулась, чтобы немного помассировать голени. — Я же сказал, не звони больше! — как гром среди ясного неба прозвучал голос, который я узнаю из тысячи. Быстро выпрямляюсь — и больно ударяюсь головой об стол. — Да, блин! — непроизвольно морщусь от боли, потирая ушибленное место рукой. Дамир сбросил вызов и несколько бесконечно долгих секунд прожигал меня глазами. Немного наклонив голову влево, словно изучая, его губы тронула едва заметная улыбка. Не говоря больше ни слова, он взял рисунок, посмотрел на него и пошёл в зал. А мои щёки просто пылали. Я сама не понимаю, почему он так на меня действует. Возможно, во всём виноват его самоуверенный внешний вид: высокий рост, стройная фигура, широкие плечи... А может, всему виной хищный взгляд. — Агата, Агата! — бросилась ко мне Аня; выглядела она напряжённо. — Один из официантов упал и теперь хромот, как гусь. Подмени его. Тебе за это заплатят в двойном размере — и как за все четыре часа, а работать осталось всего полчаса. Всё, не ломайся. Бери поднос на кухне, предлагай гостям шампанское и вино. Главное — не урони поднос и улыбайся, — тихо проговорила девушка, подталкивая меня в сторону светлой кухни, в которой творился настоящий хаос. — Быстрее, наливай! Шампанское почти закончилось! — кричала симпатичная светловолосая девушка парню, который разливал алкоголь по хрустальным фужерам. — Так, ты новенькая? — спросила у меня блондинка. Получив от меня утвердительный кивок, она продолжила: — Бери вот этот поднос, — она указала на круглый поднос в золотой оправе. — Предлагай всем гостям по левой стороне, я займусь правой стороной. Давай, давай, бери поднос быстрее! — скомандовала она. Взяв тяжёлый поднос с шампанским, я поспешила за ней. В зале царил тихая обстановка: все рассматривали картины, приглушённо играла классическая музыка. Точно не знаю, что это за мелодия — я никогда в музыке не разбиралась. Подойдя к высокому и немного сутулому мужчине лет пятидесяти, я предложила бокал. Он взял его с подноса, не говоря ни слова. Я почти раздала все фужеры — осталось только два. Когда я направилась в сторону молодой женщины, одетой в длинное платье цвета слоновой кости, она показалась мне очень красивой — даже красивее Камиллы. В ней была необычная грация и женственность. Но откуда ни возьмись появился Влад. — Что же ты гостей дискриминируешь? Всем бокал предложила, кроме меня, — наигранно обиженным голосом сказал парень, широко улыбаясь. — Забочусь о твоём гостеприимстве. Разве не знаешь, что сначала нужно гостей уго-

стит, а только потом — хозяйина? — подняв бровь, сказала я и развернулась от него. Но споткнулась о собственную ногу. Поднос в моих руках дрогнул, и я полетела вниз — но чьи-то сильные руки поймали меня. — Долго ещё так стоять планируешь? — низким голосом произнёс Дамир. Только сейчас я осознала, что вцепилась в его чёрный пиджак руками. Глаза зацепились за татуировку на его шее: странно, я впервые её разглядела. Как будто там была написана какая-то надпись. Мы привлекли внимание всех присутствующих — особенно той молодой красивой женщины. Она не сводила с нас своих яркозелёных глаз. Я резко пришла в себя и высвободилась из его объятий. — Спасибо, — проговорила я, поправляя рубашку. — А как же мне сказать спасибо? Я вообще поднос держал, — покачал головой Влад. — Форточница, да у тебя талант: как с тобой ни встречусь — ты что-нибудь новое выкидываешь. — Спасибо, — поблагодарила его и потянулась за подносом, но почувствовала резкий укол в бок. «Блин, похоже, булавка расстегнулась. Вот только не сейчас!» От каждого движения она впивалась в кожу всё сильнее. Но не это было главное — юбка понемногу сползала вниз. Недолго думая, я протянула поднос обратно Владу: — Поддержи немного, пожалуйста, две минуты. Я сейчас приду. И, не дожидаясь ответа от парня, засеменила в комнату для персонала. Чувствовала на спине взгляды двух пар глаз, но думать об этом было некогда: ещё секунда — и я буду стоять в одних трусах перед этими напыщенными людьми. Вернувшись в зал, я почти сразу нашла Влада — он всё так же держал поднос. Хотела к нему подойти, но он стоял рядом с тем, от кого точно стоило держаться подальше. — Ты что творишь?! Как могла Владиславу Сергеевичу отдать поднос?! Быстро иди и заberi, потом поговорим об этом! — шипя, словно выплёвывая яд, рявкнул Иван Степанович. Выбора у меня не было. Я подошла к парням. Они о чём-то разговаривали. Подойдя ближе, я ещё раз убедилась, насколько они высокие — явно больше ста восьмидесяти пяти сантиметров. Но они не были ни слишком худыми, ни перекачанными — скорее спортивными и подтянутыми. — Можешь, пожалуйста, отдать мне поднос? — сказала я, протягивая руки. Парни посмотрели на меня сверху вниз. — Форточница, я раздал за тебя два бокала. Как зарплату делить будем? — ухмыляясь, проговорил Влад. — Зарплату? Ты отдал только один бокал, и вообще тебе вряд ли нужны эти деньги! — возмутилась я. — Мирыч, ну ты посмотри, как в наше время пытаются честных людей обмануть! Я её работу делаю, а она даже делиться не хочет, — с притворной обидой посетовал Дамир другу. Поймав на себе взгляд тёмносерых глаз, я ещё раз попросила: — Отдай, пожалуйста, поднос, или у меня будут проблемы — не заплатят, — серьёзно сказала я, потому что Иван Степанович прожигал меня недобрым взглядом. Влад хотел ещё что-то сказать, но Дамир вырвал из его рук поднос и передал мне. — Спасибо, — сказала я и быстро пошла на кухню. Оставшееся время прошло спокойно. Все гости начали расходиться, а я осталась убирать столы, чтобы получить доплату. — Так, сколько ты мне заплатишь? Знаешь ли, в наше время нельзя обманывать работников — могут в трудовую инспекцию пожаловаться, — подошёл ко мне Влад, когда я собирала грязную посуду на поднос. — Конечно, я тебе заплачу. Слышала, что организаторы этого мероприятия — очень богатые люди, попрошу у них надбавку. — Какая ты меркантильная! Предлагаешь мне требовать зарплату у своей же семьи? — хмыкнул Влад. — Ну, каждый труд должен быть оплачен. Сам же говорил, — парировала я. — Ты очень забавная, вот правда, — рассмеялся он. — Нет, правда, забавная. Почему он меня всегда называет забавной, как будто я какой-то зверёк... — Давай помогу, — сказал парень, когда я взяла тяжёлый поднос, и потянулся к нему, но я сама его удержала. — Не нужно. Твои услуги очень дорогие, — ответила я и пошла на кухню. Когда мне выдали зарплату, я чуть не закричала вслух: двадцать тысяч! Всего за четыре часа... Не знаю, отчего мне столько везенья привалило, но я была счастлива. Поблагодарив управляющего, я вышла на улицу — на город уже опустилась ночь. Под кожу пробирался холодный, морозный мартовский ветер. Свет фонарей ярко освещал центр города, но мне стало грустно: сейчас придётся добираться домой, а в моём районе не было хорошего освещения — даже правильное сказать, его не было в принципе. Достав телефон, я посмотрела цены на такси —

и глаза округлились: такси стоило очень дорого. Убрав телефон в карман куртки, я пошла в сторону остановки. Стоило мне завернуть за угол отеля, как я услышала недовольный голос: — Я же сказал, не смей даже со мной разговаривать! Остался месяц, и ты меня больше не увидишь. Не смей называть меня братом, мы никто друг другу, незнакомые люди. Ты никогда не будешь мне братом! — гневно сказал Дамир и сбросил вызов. Он оттолкнулся от стены — и наши взгляды встретились. — Тебе не говорили, что подслушивать нехорошо? — спокойным и холодным голосом произнёс он, буквально нависая надо мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.